

H. SCULLARD, Roman Politics, 220—150 B. C., Oxford, 1949, 325 стр.

Труд английского историка Скалларда¹ «Римская политика в 220—150 гг. до н. э.» принадлежит к широко распространенному в современной буржуазной науке просопографическому направлению. Начало ему было положено работами М. Гельцера² и Ф. Мюнцера³. В отличие от Моммзена, обычно отождествлявшего римскую политическую жизнь с современной и отыскивавшего в Риме современные политические партии, Гельцер и Мюнцер считали своеобразной особенностью римской жизни наличие родовых и семейных группировок знати, в руках которых, по их мнению, находились судьбы государства. Для определения состава этих группировок они использовали просопографические данные и сведения о родственных и брачных связях между различными государственными деятелями Рима; поэтому направление в буржуазной науке, начатое трудами Гельцера и Мюнцера, можно условно назвать просопографическим.

В 30-х годах взгляды Гельцера и Мюнцера получили широкое распространение. Были сделаны попытки изложить отдельные периоды римской истории в свете борьбы фамильных и родовых групп нобилитета. Первая такая попытка принадлежит немецкому историку Шуру, который рассматривал внутреннюю и внешнюю политику Рима в период второй Пунической войны под углом зрения борьбы Фабиев, Клавдиев и Корнелиев⁴. К просопографическому направлению примыкал и исследователь принципата А. Премерштейн⁵. Это направление сочеталось у Премерштейна с модернизацией политической жизни Рима конца Республики. Видя в Августе предшественника Гитлера, Премерштейн заявил, что партийная борьба в Риме, в основе которой была не программа, а личность вождя, закончилась победой «партии порядка и отечества» и захватом ею власти.

Следует отметить, что уже в 30-х годах просопографическое направление в том виде, который оно приобрело в трудах Шура и других историков, встретилося с возражениями. Среди противников этого направления был и видный итальянский историк де Санктис, утверждавший, что Шур довел точку зрения Мюнцера до абсурда⁶. Однако де Санктис критиковал только перегибы в просопографическом направлении, он не вскрывал, да и не мог вскрыть коренных пороков этого течения.

После второй мировой войны просопографическое направление испытало новый «подъем». Причину этого нетрудно понять. В условиях начавшегося второго этапа общего кризиса капитализма буржуазия испытывает особую потребность в теориях, отрицающих активную роль народных масс в истории. Американские и английские буржуазные ученые, к которым перешла направляющая роль в фальсификации исторического прошлого, стали проявлять особый интерес к просопографическому направлению. Характерна в этом отношении работа американской античницы Л. Росс-Тейлор: «Партийная политика во время Цезаря»⁷. Она игнорирует классовую борьбу в римском обществе в тот период, когда последняя достигла наивысшей остроты, сводит всю историю этого времени к борьбе различных группировок нобилитета, и в то же самое время модернизирует явления прошлого. Предвыборная борьба в Риме, по мне-

¹ Ему принадлежат также: *A History of the Roman World from 753 to 146 B. C.* (1936); *Scipio Africanus in the Second Punic War* (1930).

² M. G e l z e r, *Die Nobilität der römischen Republik*, Lpz., 1912.

³ F. M ü n z e r, *Römische Adelsparteien und Adelsfamilien*, Stuttg., 1920.

⁴ W. S c h u r, *Scipio Africanus und die Begründung der römischen Weltherrschaft*, 1927.

⁵ A. P r e m e r s t e i n, *Zum Wesen und Werden des Prinzipats*, 1937.

⁶ «Revue de philologie, de littérature et d'histoire ancienne», 1936, стр. 193.

⁷ L. R. T a y l o r, *Party Politics in the Age of Caesar*, Los Angeles, 1949; см. рецензию на эту книгу в ВДИ, 1951, № 3.

нию Тейлор, идентична с борьбой в США во время выдвижения кандидатов в президенты; всадники изображаются капиталистами и т. п.

Единственным относительно положительным моментом в просопографическом направлении можно считать то, что оно проливает свет на некоторые особенности политической жизни в Риме, но эта сторона теряется в коренных пороках, присущих этому течению буржуазной историографии. Просопографическое направление имеет своей основной целью затушевать классовую борьбу, как движущую силу развития римского, так же как и всякого другого классового общества, его целью является «доказать», что не борьба классов составляет основу общественной жизни, а соперничество между группировками аристократии. С отрицанием роли классовой борьбы в истории связывается отрицание творческой роли масс. Творцами истории просопографическое направление объявляет представителей аристократии, которая якобы всегда безраздельно и бесконтрольно вершит судьбами государства.

Хотя внешне просопографическое направление выступает против модернизации истории Рима, на деле оно открывает путь для еще более реакционной модернизации, чем та, которая имела место в трудах буржуазных ученых XIX в. Просопографическое направление отрицает какое-либо значение экономических факторов в истории, наличие какой бы то ни было исторической закономерности. В этом отношении оно представляет собой шаг назад даже по сравнению с модернизаторским направлением в буржуазной историографии. В трудах сторонников просопографического направления на первый план выпячиваются субъективные моменты. История превращается в произвольное нагромождение случайных, не связанных друг с другом явлений.

Таково то направление, к которому принадлежит рецензируемая книга. Она состоит из введения, 14 глав и приложения, в котором рассматриваются преимущественно вопросы источниковедческого характера. В введении (стр. 1—8) автор высказывает в общей форме взгляд на исключительную роль, принадлежавшую в Риме фамильным и родовым группировкам аристократии. Эта роль может быть сопоставлена с той ролью, которую играют в современной жизни политические партии, хотя партий с определенной организацией и программой в Риме и не было. В первой главе (стр. 8—30) Скаллард пытается выяснить основы организации аристократических группировок, средства и методы, при помощи которых они вели борьбу друг с другом и обеспечивали свое господство во всех областях политической жизни. В основе политической организации римской знати находились, по мнению автора, *gentes*, лидерами которых были «отцы семейств». Римская знать в III—II в. до н. э., согласно взгляду Мюнцера, принятому автором рецензируемой книги, была неоднородной по своему составу. Ядро ее образовывали *нобили*, т. е. те лица, которые сами были курульными магистратами, а также их потомки. К этому ядру примыкали *homines novi*, которые не имели своими предками *pobiles* и сами впервые домогались курульных магистратур (стр. 11). Основой политического влияния *нобилитета* был *патронат* во всех его формах: законодательной, экономической и политической (стр. 18). Рассмотрев в общих чертах деятельность аристократических группировок, Скаллард приходит к заключению, что в основе внутренней борьбы в римском государстве в позднереспубликанский период лежала не борьба между аристократией и народом, а соперничество отдельных группировок *нобилитета* (стр. 30). Политические условия, в которых происходила борьба между группировками *нобилитета*, полностью соответствуют, по мнению автора, политической обстановке в Англии XVIII в. (стр. 30). Таким образом, модернизация политической жизни Рима свойственна Скалларду, как и другим представителям просопографического направления.

Во второй главе (стр. 31—38) трактуется вопрос о борьбе фамильных и родовых группировок римской аристократии в период между 241 и 218 гг. до н. э. Наибольшим влиянием в это время, по мнению Скалларда, пользовались группировки Фабиев, Эмилиев и Клавдиев. В следующих трех главах (стр. 38—88) изучается борьба фамильных группировок в годы второй Пунической войны. История Рима этого времени трактуется как борьба группировок римского *нобилитета*. Ответственной за войну

была группа Эмилиев-Сципионов (стр. 39). Против нее вели борьбу «народные лидеры» — Фламиний, Минуций и Теренций Варрон. Но борьба эта не носила все же острого характера, поскольку группа Эмилиев-Сципионов была «либерально-прогрессивной секцией сената», благосклонной к требованиям народа (стр. 55). После Канн власть переходит к Фабиям, представлявшим консервативную стратегию и политику (стр. 60). С 212 г. до н. э. против Фабиев борется группировка Фульвиев-Клавдиев, и вскоре между ними устанавливается политическое равновесие. Наконец, с 206 по 201 г. господство переходит к группе Сципионов, против которых выступала оппозиция — группа Сервилиев.

Большая часть книги (глава VI—XIII; стр. 88—231) посвящена борьбе фамильных группировок в период войн Рима на Востоке. Вступление Рима в войну с Македонией сразу же после разгрома Карфагена связывается автором с деятельностью Фламиния, находившегося в тесной связи с родами Фабиев и Квинциев (стр. 95). Подробно рассматривается новое возвышение и упадок политического влияния группы Сципионов в 196—191 гг. до н. э. и начало политической карьеры М. Порция Катона (стр. 110—152). Специальная глава посвящена цензуре Катона, деятельность которого автор рассматривает вне связи с реальными политическими или социальными силами, видя в нем идеального политика, стоящего над своей эпохой и призванного восстановить прежнюю чистоту нравов и общественные устои. Во время борьбы между Катонем и группой Сципионов, по мнению автора, образовалась промежуточная группа — коалиция Клавдиев-Фульвиев и некоторых старых приверженцев Фабиев. С 186 по 180 г. до н. э. эта группа пользовалась значительным влиянием. В течение следующих пяти лет у власти находилась группа Фульвиев в союзе с патрицианскими родами Клавдиев Пульхров, Валериев и плебейскими родами — Муциями и Гостилиями. В последующем группа Фульвиев уступает место Постумиям и Попилиям. В заключительной, 14-й главе (стр. 232—245) разбираются проблемы политики Сената за годы, предшествовавшие III Пунической войне.

Период, охватываемый трудом Скалларда, является переломным в римской истории. В этот период патриархальная система рабства уступает место развитой классической рабовладельческой системе. Крупная роль в этом превращении принадлежала торговому и ростовщическому капиталу, сосредоточивавшему в своих руках доходные откупные операции, безжалостно грабившему вновь завоеванные территории. Денежные средства, добываемые путем грабежа и всевозможных спекуляций, превращались в своей значительной части в земельное богатство. Ростовщики становились землевладельцами, организация труда в сельском хозяйстве усиливала товарность производства. Производство, основанное на применении массового труда рабов, нуждалось в постоянном притоке рабов на рынки Италии. Отсюда захватнические войны, в которых наиболее были заинтересованы круги, связанные с торговлей и ростовщичеством, и землевладельцы, чье хозяйство было основано на новой относительно прогрессивной организации труда. Таковы те экономические основы, без выяснения которых невозможно понять политическую борьбу в Риме 220—150 гг. до н. э. Они целиком игнорируются Скаллардом, не видящим никаких изменений в экономических условиях римской жизни II в. до н. э. по сравнению с предшествующим периодом.

Между тем подход автора к истории политической борьбы в Риме III—II вв. до н. э. является чисто внешним, поверхностным. Из данных о родственных и брачных связях между отдельными членами нобилитета он делает необоснованные выводы о господстве в тот или иной период определенной фамильной группировки. История Рима, как это вообще характерно для просопографического направления, превращается в книге Скалларда в историю аристократических группировок. В фокусе всего исследования автор ставит борьбу между родовыми и фамильными группировками, а основные решающие моменты экономической и социальной истории им игнорируются или рассматриваются в лучшем случае лишь как иллюстрация к борьбе фамильных группировок. Таким образом, работа Скалларда отличается теми же коренными пороками, которые характерны для всего просопографического направления:

отрицанием классовой борьбы, отрицанием творческой роли масс в истории, отрицанием значения экономических факторов.

Первая половина II в. до н. э. была временем господства нобилитета. Сенат, являвшийся оплотом нобилитета, играл выдающуюся роль во всей внешней и внутренней политике римского государства. Имела место и описанная в рецензируемой книге борьба между различными группировками нобилитета, взаимная поддержка представителей одной группировки, связанной между собой семейными традициями и брачными отношениями. Однако, если внимательно посмотреть в эту борьбу, мы не увидим за ней принципиальных разногласий по вопросам внешней и внутренней политики, даже таких, которые имели место в борьбе между всадниками и нобилитетом. Борьба внутри нобилитета шла преимущественно из-за получения высших магистратур, верховных жреческих должностей; это была борьба за лучший, более жирный кусок добычи. Попытка объяснить каждый поворот во внешней или внутренней политике римского государства преобладанием определенной группировки или коалиций определенных группировок нобилитета не может быть удачной, она противоречит источникам.

Наиболее яркий пример, опровергающий построения Скалларда, дает деятельность Т. Квинция Фламиния. Он принадлежал к роду, находившемуся издавна в дружеских отношениях с Фабиями, враждебными Корнелиям. Сестра его жены была женою известного Кв. Фабия Максима, противника Корнелия Сципиона Африканского. Однако Корнелий Сципион Африканский, бывший с 199 по 184 г. принцепсом Сената, поддерживал Квинция Фламиния в его политике в Греции и фактически был вдохновителем этой политики, хотя и противился избранию его консулом на 198 г.

Явно преувеличена и искажена характеристика традиций отдельных группировок нобилитета. Несомненно, что семейные традиции существовали, они поддерживались искусственно путем сохранения изображений предков, однако эти традиции не имели, да и не могли иметь решающего значения. Для того чтобы говорить о семейных традициях, Скалларду достаточно, чтобы два члена одного и того же рода совершили аналогичные поступки. Так, например, Фульвий Флакк приказал снять украшения со знаменитого храма Юноны в Бруттиуме, которому не причинили вреда ни Пирр, ни Ганнибал. Родственник Фульвия Флакка Фульвий Нобилиор также вывез из Греции произведения искусства. Отсюда автор делает вывод о традициях рода Фульвиев (стр. 195) по собиранию памятников искусств.

Для просопографического направления и, в частности, для Скалларда характерно изучение политики в полном отрыве от экономического развития рабовладельческого общества. Это сказалось, например, в освещении вопроса о причинах третьей Пунической войны. Гипотеза Моммзена о том, что политика Катона Старшего в карфагенском вопросе отражала преимущественно интересы ростовщиков и торговцев, теперь отвергается большинством буржуазных ученых. Карштедт считал, что стремление уничтожить Карфаген вызывалось опасением, как бы Карфаген не был захвачен Массиниссой¹; Занкан возлагает ответственность за войну с Римом на Карфаген, стремившийся восстановить свое могущество и даже уничтожить Рим². Скаллард не присоединяется ни к одной из этих гипотез, однако категорически отрицает влияние каких-либо экономических факторов на политику Сената или его отдельных группировок в этом вопросе. Отход от взгляда Моммзена, отличающегося модернизацией экономических явлений, является скорее шагом назад, ибо у современных историков наблюдается в этом, так же как и в других вопросах, выпячивание субъективных моментов в ущерб моментам экономическим.

Крупным пороком рецензируемой работы является то, что, углубившись в борьбу группировок нобилитета, автор умалчал о росте новой политической силы — всадничества, не проследил растущего влияния торгово-ростовщических кругов во внутриво-

¹ U. K a h r s t e d t, Geschichte der Karthager, 1913, стр. 618.

² L. Z a n c a n, Le cause della terza guerra Punica, 1943, стр. 556—572.

литической жизни и во внешней политике. Складывание всадничества, как известно, происходило именно в эти годы и было результатом того нового значения, которое приобрел в условиях развитого рабовладельческого общества торговый и ростовщический капитал.

Расхождение интересов плебса и всадничества можно наблюдать уже во второй половине III в. В 212 г., по сообщению Ливия (XXV, 3), народ выступил против жульнических операций публиканов значительно резче, чем Сенат; Плавт, являвшийся выразителем интересов сельского плебса, резко отрицательно относился к всадникам. Поэтому уже для периода, анализируемого Скаллардом, нельзя говорить о народе вообще, как это сплошь да рядом делает автор, замазывая противоречия внутри демократических слоев римского общества, а необходимо различать политические интересы отдельных групп и прослоек. В частности, та борьба, которая происходила между сторонниками Катона и группировкой Сципиона по вопросам внешней политики, отражала интересы значительной части нобилитета, с одной стороны, и новой денежной знати и новых землевладельцев, — с другой. Дело здесь не в филэллинизме Сципионов, а в том, что значительная часть нобилитета, ведущая натуральное хозяйство, была сравнительно мало заинтересована в агрессивной политике и в превращении завоеванных государств в провинции, в то время как Катон отражал интересы дельцов и новых землевладельцев, более связанных с рынком и заинтересованных в новых завоеваниях и в развитии провинциальной системы, поскольку последняя была важным источником прибылей как для публиканов, так и для частных ростовщиков и торговцев.

Излагая борьбу между группировками нобилитета, автор полностью игнорирует роль классовой борьбы рабов, сводит на-нет борьбу плебса; хотя начало мощного подъема движения рабов относится к следующему периоду римской истории, но и в годы войн Рима на Востоке активность рабов проявляется в ряде восстаний в 199, 196, 185, 184 гг. Об этих восстаниях автор говорит лишь (стр. 155) вскользь, как об общественных смутах. Между тем эти восстания, несомненно, оказывали какое-то влияние на политическую борьбу и на идеологию правящего класса. Низы свободного населения также не всегда шли на поводу у римских политиков, представителей нобилитета. С оппозицией народных масс нобилим приходилось считаться и во время II Пунической войны и в годы войн Рима на Востоке. В этой связи и борьба Катона за «добрые старые нравы» должна расцениваться, как стремление укрепить господствующий класс перед лицом серьезной угрозы со стороны растущего революционного движения низов римского общества.

Попытка объяснить одними фамильными связями сложную и богатую событиями эпоху выражает стремление автора зачеркнуть роль решающих экономических факторов, затушевать классовую борьбу. Книга Скалларда, как и вся современная буржуазная историография, отрицает какую-либо закономерность исторического развития и сводит всю разнообразную историю древнего Рима к случайным, второстепенным, в конечном счете родственным связям римского нобилитета.

А. И. Немировский

E. A. THOMPSON, A History of Attila and the Huns, Oxf., 1948, 228 стр.

Несмотря на значительное число работ по истории гуннов, появившихся со времен Дегиня и Гиббона, далеко не все ее стороны могут считаться достаточно разработанными. Прежде всего это касается социально-экономической истории гуннов, обусловившей характерные черты их развития — эфемерность «государства» Атиллы и быстрое исчезновение гуннов с арены европейской истории. Буржуазные историки большей части ограничивались описанием политической истории гуннов, концентрируя свое внимание на личности Атиллы, военному гению которого приписывались наивысшие успехи завоевателей и создание огромной «империи», простиравшейся от Пред-